

Чему улыбался Рыхэу?

Как и сотни других людей, одыхавших в великолепном сочинском санатории «Металлург», я был настроен благодушно и безмятежно.

Он вышел на сцену и собственноручно отрекомендовался: ленинградский поэт-сатирик, лауреат конкурса артистов эстрады; затем гордо сообщил благоговейно притихшим рядам гипертоников: «В свое время я написал довольно знаменитый фельетон «Плесень»; после этого поведал, что начертал ему в альбоме Михаил Светлов и как Александр Твардовский разрешил ему дописать новую главу к «Василию Теркину»...

Хотя я впервые слышал о таком «ленинградском поэте», хотя мне был известен лишь один «довольно знаменитый» фельетон «Плесень», а именно тот, что принадлежал перу И. Шатуновского, Б. Протопопова, и хотя я сильно сомневался, чтобы Твардовский разрешил дописать «главу» (и какую!) к «Василию Теркину», однако, слушая и созерцая человека на сцене, по причине умиротворенного настроения, я думал: что ж, *mania grandiosa* еще не самый страшный из людских пороков.

Затем мы услышали такие признания: «Для Леонида Утесова я написал песенку «Тик-так». Вероятно, скоро вы ее услышите в его исполнении. Но может быть, вам интересно услышать ее также и из уст скромного автора?» «Мое скромное имя вы не увидите на корешках книг. Я пишу для эстрады. Это трудный жанр».

Внимая этим словам и все еще пребывая в состоянии курортного благодушия, я размышлял: право, все-таки это лучше, чем, скажем, хулиганство или буйство, в чем грешны иные.

Потом он начал острить в таком духе: Ленинград любят и знают все. Одни предпочитают ленинградский Эрмитаж, другие — ленинградский трикотаж. Или: наступают белые ночи, и никто не спит. Спят лишь те супружеские пары, для которых кончились белые ночи и начались черные дни... Я, курортник, снова подумал: что ж, это еще не предел пошлости. Бывает хуже.

Далее он сообщил нам, что Омар Хайям — иранский поэт XI века, что Бернард Шоу прожил 90 лет... Хотя мне было доподлинно известно, что Хайям почти четверть века прожил и в XII столетии и принадлежал не только к персидской, но и к таджикской литературе, что Б. Шоу умер в возрасте 94 лет, — несмотря на все это, я не склонен был строго судить его даже и за невежество.

Но на другой день я раскрыл городскую сочинскую газету «Красное знамя», и курортно-санаторному благодушию моему все-таки пришел конец.

В газете была напечатана его рецензия. Но и тут перед лицом всего города, как вчера перед двумя-тремя сотнями зрителей, он оставался самим собой: невежественным хвастуном.

Начинал он так: «Удивительное дело: пишу рецензию на концерт, в котором сам принимал участие». Меня, уже немного знакомого с ним, это ничуть не удивило.

Разумеется, не удивили меня и следующие строки рецензии: «Поэт Тютчев в порыве дворянского высокомерия когда-то воскликнул:

«У чукчей нет Анакреона, Кзырянам Пушкин не придет!»

Я лишь подумал, что, прочитав это, в порыве гнева могли бы воскликнуть сразу двое — и Тютчев, который никогда не писал приведенных выше строк, и Фет, написавший «К кзырянам Тютчев не придет».

Далее я прочитал: «Автор этих строк встретил в Ленинграде зачинателя чукотской литературы, аспиранта Ленинградского университета Ю. Рыхэу. Улыбаясь, он сказал...»

Трудно решить, чему улыбался Рыхэу. Тому ли, что автор рецензий столь бесцеремонно приписал ему нелепые слова, тому ли, что автор этот столь вопиюще безграмотен. Но, думается мне, улыбка его была горькой и презрительной, ибо в уста ему вложены автором рецензии таковы слова:

— Ей-богу, если б не так много было дела, обязательно занялся бы переводами римского поэта Анакреона на чукотский язык! Назло Тютчеву!

Общезвестно, что «назло» совершаются самые различные глупости. Но еще никому не приходило на ум назло другому греку Анакреона превратить в римлянина. Бесспорный приоритет принадлежит здесь человеку, имя которого я, наконец, решаюсь произнести: Игорь Мэй, артист эстрады.